

Выборы 1902 г. в Разряд изящной словесности

25 февраля 1902 г. прошли очередные выборы в Разряд изящной словесности³⁰⁷. В предварительных списках были названы 47 кандидатов, среди них Д. С. Мережковский, А. М. Пешков (Горький), Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. В. Сухово-Кобылин, В. И. Немирович-Данченко, профессора П. Н. Милуков и Б. Н. Чичерин, графиня П. С. Уварова. Результаты выборов ошеломили присутствующих: требующее по уставу большинство (2/3 голосов) получили только А. В. Сухово-Кобылин и А. М. Горький.

Смущенный такими результатами, Константин Константинович записал в своем дневнике: «В Академии в объединенном собрании Отделения русского языка и словесности и Разряда изящной словесности баллотировали 22 лица, представленных в почетные академики. Из них только 14-й Сухово-Кобылин (за которого в заседании 14 февраля было подано только 2 голоса) получил требуемые 2/3 голосов — 12 белых шаров и 1 черный, и один из 22-х соединили в свою пользу надлежащее число голосов. Тогда стали переизбирать четверых, получивших 8–5 голосов: Вейнберга, Ефремова, Чичерина и Максима Горького. Только последний получил +9 и –4 и был признан избранным. Но так как было предположено избрать не менее 4-х новых почетных академиков, приступили к перебаллотировке получивших +7 и –6, но никто не был избран. Этим и кончили. Странное впечатление производят последние выборы в почетные академики. Во всяком случае намеченная цель не достигнута: мы хотели увеличить их число до 15, избрав главным образом лиц, проживающих в Петербурге, так как из теперешнего состава никогда не бывает налицо: гр. Лев Толстой и Чехов, и Короленко и Жемчужников по большей части отсутствуют. Цель не достигнута, потому что Сухово-Кобылин (83-летний старец, автор «Свадьбы Кречинского») зиму проводит за границей, а Максим Горький теперь живет в Крыму и за сочувствие прошлогодним студенческим волнениям лишен права въезда в Петербург. Горький пользуется большим успехом, книги его расходятся десятками тысяч, но несомненно, что как ни значительно его дарование, он не заслуживает такой преувеличенной славы. Самому же ему избрание принесет только вред, еще больше вскружив голову молодому писателю»³⁰⁸. Результаты выборов согласно правилам были опубликованы в «Правительственном вестнике».

Вскоре обнаружилось, что Горький состоял под гласным надзором полиции по обвинению в государственном преступлении. Николай II был

³⁰⁷ О создании Разряда изящной словесности в 1899 г. см. выше в разделе «Президент Императорской Академии наук вел. кн. Константин Константинович».

³⁰⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 49. Л. 152 об.–153. Запись 27.02.1902.

возмущен избранием Горького и отменил его³⁰⁹. Константину Константиновичу удалось убедить Николая II взять назад свое решение, чтобы убедить императора от нежелательной критики. Но избрание Горького, тем не менее, было отменено на основе закона о состоящих под следствием.

Константин Константинович принял весь огонь критики на себя, поместив в «Правительственном вестнике» объявление о кассации выборов от имени Академии наук. Он не уставал сокрушаться по поводу своей оплошности: «Признаюсь, — записал он в своем дневнике 8 марта, — что я трушу и кругом виню себя: мне следовало предупредить неприятность или по крайней мере задержать объявление об избрании Горького. Но в свое оправдание скажу, что мне не было известно о нахождении Горького под следствием, а кроме того, избрания в члены Разряда изящной словесности не подлежат ничьему утверждению, следовательно, не было причины задерживать объявление об избрании»³¹⁰. После этого инцидента Разряд изящной словесности лишился права на свободное избрание в почетные академики.

Два почетных академика — Чехов и Короленко — в виде протеста покинули Академию. Протестовал против кассации выборов и Марков, он подал прошение об отставке, однако вскоре вернулся к академическим занятиям³¹¹.

³⁰⁹ Письмо Николая II П. С. Ванновскому от 5 марта приведено в дневнике Константина Константиновича: «Петр Семенович, известие о выборе Горького в Академию наук произвело на меня, как и на всех благомыслящих русских прямо удручающее впечатление. Чем руководствовались почтенные старцы при этом избрании — понять нельзя? Ни возраст Горького, ни коротенькие сочинения не представляют достаточное наличие причин в пользу его избрания на такое почетное звание. Гораздо серьезнее то обстоятельство, что он состоит под следствием. И такого человека в теперешнее смутное время Акад. наук позволяет себе избирать в свою среду. Я глубоко возмущен всем этим и поручаю вам объявить, что по моему повелению выбор Горького отменяется. Надеюсь хоть немного отрезвить этим состояние умов в Академии. Николай»: Там же. Л. 7 об.—8.

³¹⁰ Там же. Д. 50. Л. 7. Запись 8.03.1902.

³¹¹ Заявления Маркова вошли в: *Марков А. А. Избранные труды*. С. 605. Ляпунов писал Стеклову: «Оказывается, что известное объявление было сделано по высочайшему повелению и без ведома Академии. Академики узнали о нем лишь из газет. Конечно, всех больше был возмущен Марков, который подал президенту заявление, где было указано на незаконность и неосновательность этого объявления. Но президент из трусости не позволил читать заявление Маркова в заседании, и это привело к тому, что Марков подал прошение об отставке. Это последнее обстоятельство было для меня, конечно, особенно неприятно, и все эти дни я хлопотал, чтобы как-нибудь уладить дело. Был между прочим у Пыпина, который также очень возмущен делом о Горьком. От Пыпина я узнал, что второе отделение решило во что бы то ни стало исправить дело, и что у них по этому поводу будет специальное заседание 10-го мая. Узнал я также, что, несмотря на резкости Маркова, им очень дорожат в Академии, и что Академией будет сделано все от нее зависящее, чтобы удержать Маркова. Это последнее и было сделано вчера в общем собрании, которое единогласно

Попытка сближения академической науки с русской литературой закончилась полным провалом³¹². Этот инцидент имел глубокие последствия и для внутренней жизни Академии. Авторитет президента сильно пошатнулся. Более двух месяцев он страдал нервным расстройством, объяснявшимся сильным переутомлением³¹³. С этого времени наступило охлаждение Константина Константиновича к Академии наук, он стал редко посещать заседания и утратил прежний интерес к ее делам, хотя с прежней энергией продолжал отстаивать ее интересы (прежде всего финансовые) перед высшим начальством.

В 1904 г. место неперменного секретаря занял, будучи еще экстраординарным академиком, С. Ф. Ольденбург, остававшийся на этом посту 25 лет, до 1929 г. Против его кандидатуры были выставлены кандидатуры Чернышева, Бородина, Розена и Фаминцына. Ольденбург был известен своими либеральными взглядами и популярен среди академиков: энергичный и неутомимый деятель, он был организатором по призванию и темпераменту, а его твердое и приветливое дружелюбие располагало к нему людей. В 1904 г. графиня Шувалова предполагала внести пятимиллионное пожертвование на нужды науки и просвещения, а Ольденбург в качестве советника графини приложил немало сил для того, чтобы привлечь этот капитал в Академию наук, и хотя это дело не увенчалось успехом, впечатление в Академии оно произвело большое. Константин Константинович относился к Ольденбургу с некоторым недоверием: он не одобрял активную общественную деятельность неперменного секретаря. В 1907 г. Константин Константинович писал о нем: «Ольденбурга никак не раскусишь: очень приятный себе

постановило просить Маркова не настаивать на том, чтобы его прошению об отставке был дан дальнейший ход, и это постановление общего собрания вчера-то было передано Маркову особой депутацией. Теперь дело с удержанием Маркова в Академии, по-видимому, можно считать улаженным. Остается как-нибудь уладить дело с Горьким, которое в настоящее время осложняется заявлением Короленка. Последний указывает на то, что он некогда в таком же положении, как и Горький, и что последовательность требует применения к нему такой же меры»: ПФА РАН. Ф. 162. Оп. 2. Д. 251. Л. 20 об. –21 об. Письмо от 5.05.1902.

³¹² В последующие годы почетными академиками стали К. С. Алексеев (Станиславский), И. А. Бунин, А. Н. Веселовский, Ф. Ф. Зелинский, А. И. Сумбатов-Южин и др. Полный список избранных дан в Приложении 2.

³¹³ В Академии ходили упорные слухи, что президент серьезно болен. Об этом свидетельствует, например, резкое замечание Ляпунова: «Это дело свело с ума нашего президента. Он нигде не показывается, и в Академии говорят, что он серьезно болен. В обществе-то держатся слухи, что он сошел с ума, сначала все декламировал стихи, а теперь одержим буйным помешательством и его никуда не пускают. Говорят, что это результат, полученный от головоломки — результат естественный, так как умопомешательство — семейная болезнь. Таким образом возможно, что в скором времени у нас будет новый президент»: Там же. Л. 25–25 об. Письмо А. М. Ляпунова В. А. Стеклову от 16.05.1902.

седник с большими знаниями, воспитанный, обходительный, а между тем деятельно примкнул к освободительному движению»³¹⁴.

Никитин, напротив, был об Ольденбурге высокого мнения и ценил прежде всего его деловые и личные качества. Никитин не уставал «любоваться на его неустанную деловитость, а еще больше на — не знаю, как бы вернее сказать — на ангельскую чистоту и благость его натуры. Вот человек, которому, кажется, никакого труда не стоит всегда держаться на высоте благородных помыслов и великодушных мечтаний и быть недоступным ничему злему и пошлomu», — говорил он³¹⁵. В 1908 г. Никитин дал о своем коллеге такой лестный отзыв: «В исполнении этой должности он проявил столько усердия, заботливости о пользе Академии, предприимчивости и разносторонней образованности, что может, я полагаю, по справедливости считаться одним из лучших непрременных секретарей, каких имела наша академия»³¹⁶. Не будет преувеличением сказать, что Ольденбургу Академия наук обязана своим существованием с октября 1917 до 1929 г.

1905 год в истории Императорской Академии наук

Начало бурного 1905 г. — эпоха первых уступок, которые власть делала нехотя, с трудом и усилием под влиянием тяжелых неудач русско-японской войны и вызванного этими неудачами общественного брожения, под впечатлением массовых народных выступлений в январе 1905 г. Не было речи о сознательной готовности к реформам, власть все еще старалась угадать точную меру того, чем она могла поступиться ради спасения «основных начал». Эта двойственность нашла отражение во всех важнейших актах того времени.

12 декабря 1904 г. вышел указ о «предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Пункт 8 указа — «устранить из ныне действующих о печати постановлений *излишние* стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы»³¹⁷ — имел своим результатом учреждение Особого совещания для составления нового устава о печати³¹⁸. Высказанное в 1960-е гг. ошибочное мнение о том, что Академия наук не была привлечена к участию в работе Особого совещания,

³¹⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 58. Л. 109 об. Запись 28.04.1907.

³¹⁵ ПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 312. л. 5–5 об. Письмо П. В. Никитина В. Р. Розену от 2.07.1904.

³¹⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30. Л. 47. 4.09.1908.

³¹⁷ ПСЗ. Собр. третье. Т. XXIV. № 25495.

³¹⁸ Лихманов А. В. «Комиссия Д. Ф. Кобеко» по составлению нового устава о печати (10 февраля — 18 декабря 1905 г.) // На подступах к спецхрану (Труды межрегиональной научно-практической конференции «Свобода научной информации и охрана государственной тайны: прошлое, настоящее, будущее», 24–26 сентября 1991 г., Санкт-Петербург). СПб., 1995. С. 11–17.